

Иван Тургенев

Несчастливая

Часть сборника
Первая любовь (сборник)

Иван Тургенев

Несчастливая

«Public Domain»

1868

Тургенев И. С.

Несчастливая / И. С. Тургенев — «Public Domain», 1868

«Я жил тогда (зимою 1835 года) в Москве, у тетушки, родной сестры покойной матушки. Мне было восемнадцать лет: я только что перешел со второго на третий курс «словесного» факультета (в то время он так назывался) в Московском университете. Тетушка моя была женщина тихая и кроткая, вдова. Она занимала большой деревянный дом на Остоженке, теплый-претеплый, каких, я полагаю, кроме Москвы, нигде не найдешь, и почти ни с кем не видалась, сидела с утра до вечера в гостиной с двумя компаньонками, кушала цветочный чай, раскладывала пасьянс и то и дело приказывала покурить...»

© Тургенев И. С., 1868

© Public Domain, 1868

Содержание

I	6
II	7
III	8
IV	9
V	11
VI	12
VII	13
VIII	14
IX	16
X	17
XI	18
XII	19
XIII	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Иван Сергеевич Тургенев

Несчастная

...Да, да, – начал Петр Гаврилович, – тяжелые то были дни... и не хотелось бы возобновлять их в памяти... Но я дал вам обещание; придется все рассказать. Слушайте.

I

Я жил тогда (зимой 1835 года) в Москве, у тетушки, родной сестры покойной матушки. Мне было восемнадцать лет: я только что перешел со второго на третий курс «словесного» факультета (в то время он так назывался) в Московском университете. Тетушка моя была женщина тихая и кроткая, вдова. Она занимала большой деревянный дом на Остоженке, теплый-претеплый, каких, я полагаю, кроме Москвы, нигде не найдешь, и почти ни с кем не видалась, сидела с утра до вечера в гостиной с двумя компаньонками, кушала цветочный чай, раскладывала пасьянс и то и дело приказывала покурить. Компаньонки бежали в переднюю; несколько минут спустя старый слуга в ливрейном фраке приносил медный таз с пучком мяты на раскаленном кирпиче и, торопливо выступая по узким половикам, поливал ее уксусом. Белый пар обдавал его сморщенное лицо, он хмурился и отворачивался, а канарейки в столовой так и трещали, раздраженные шипением курева.

Тетушка очень любила и баловала меня, круглого сироту. Она отдала весь антресоль в полное мое распоряжение. Меблированы были мои комнаты весьма изящно, уж вовсе не студенчески: в спальне красовались розовые занавески, и кисейный полог с голубыми помпончиками возвышался над кроватью. Эти помпончики меня, признаюсь, несколько смущали: по моему понятию, подобные «нежности» должны были уронить меня в глазах моих товарищей. Они и без того прозвали меня институткой: я никак не мог заставить себя курить табак. Занимался я, что греха таить, плохо, особенно в начале курса: много выезжал. Тетушка подарила мне широкие генеральские сани с медвежьей полостью и пару откормленных вятков. «Благородные» дома я посещал редко, но в театре был как свой – и пропасть поедал пирожков по кондитерским. Со всем тем я никаких бесчинств себе не позволял и вел себя скромно, «*en jeune homme de bonne maison*»¹. Я бы ни за что не согласился огорчить мою добрую тетушку; к тому же и кровь у меня довольно спокойно обращалась в жилах.

¹ Как юноша из хорошей семьи (*фр.*).

II

Я с ранних лет пристрастился к шахматам; о теории не имел понятия, а играл недурно. Однажды в кофейной мне пришлось быть свидетелем продолжительной шахматной баталии между двумя игроками, из которых один, белокурый молодой человек лет двадцати пяти, мне показался сильным. Партия кончилась в его пользу; я предложил ему сразиться со мной. Он согласился... и в течение часа разбил меня, шутя, три раза сряду.

– У вас есть способность к игре, – промолвил он учтивым голосом, вероятно, заметив страдание моего самолюбия, – но вы дебютов не знаете. Вам надо книжку почитать, Аллгейера или Петрова.

– Вы думаете? Но где могу я такую книжку достать?

– Приходите ко мне; я вам дам.

Он назвал себя и сказал, где квартирует. На другой день я отправился к нему, а неделю спустя мы уже почти не расставались.

III

Нового знакомого моего звали Александром Давыдовичем Фустовым. Он жил у своей матери, довольно богатой женщины, статской советницы, в отдельном флигельке, на полной свободе, так же как я у тетушки. Он числился на службе по министерству двора. Я привязался к нему искренне. В жизни моей я еще не встречал молодого человека более «симпатичного». Все в нем было миловидно и привлекательно: его стройная фигура, его походка, голос и в особенности его небольшое тонкое лицо с золотисто-голубыми глазами, с изящным, как бы кокетливо вылепленным носиком, с неизменно ласковою улыбкой на алых губах, с легкими кудрями мягких волос над немного суженным, но белоснежным лбом. Нрав Фустова отличался чрезвычайною ровностью и какою-то приятною, сдержанною приветливостью; он никогда не задумывался, всегда был всем доволен; зато ни от чего не приходил в восторг. Всякое излишество, даже в хорошем чувстве, его оскорбляло: «Это дико, дико», – говаривал он в таком случае, чуть-чуть пожимаясь и прищуривая свои золотистые глаза. И удивительные же были глаза у Фустова! Они постоянно выражали участие, благоволение и даже преданность. Я только в последствии времени заметил, что выражение его глаз зависело единственно от особенного их склада, что оно не менялось и тогда, когда он кушал суп или закуривал сигарку. Аккуратность его вошла между нами в пословицу. Правда, бабка его была из немок. Природа наделила его разнообразными способностями. Он отлично танцевал, щегольски ездил верхом и плавал превосходно, столярничал, точил, клеил, переплетал, вырезывал силуэтки, рисовал акварелью букет цветов или Наполеона в профиль в лазоревом мундире, с чувством играл на цитре, знал множество фокусов, карточных и иных, и сведения имел порядочные в механике, физике и химии, но все в меру. Одни языки ему не дались: даже по-французски он изъяснялся довольно плохо. Он вообще говорил мало и в наших студенческих беседах участвовал больше оживленною мягкостью взгляда и улыбки. Женскому полу Фустов нравился безусловно, но об этом, для молодых людей весьма важном, вопросе не любил распространяться и вполне заслуживал данное ему товарищами прозвище «скромного Дон-Жуана». Я не удивлялся Фустову; удивляться в нем было нечему, но я дорожил его расположением, хотя в сущности оно выражалось только тем, что он во всякое время допускал меня до своей особы. В моих глазах Фустов был самым счастливым человеком на свете. Жизнь его текла именно по маслу. Мать, братья, сестры, тетки, дядя – все его обожали, он жил с ними со всеми в ладах необыкновенных и пользовался репутацией образцового родственника.

IV

Однажды я забрался к нему довольно рано и не застал его в кабинете. Он окликнул меня из соседней комнаты; фыркание и плескотня доносились оттуда до моего слуха. Каждое утро Фустов обливался холодной водой и потом около четверти часа предавался гимнастическим упражнениям, в которых достиг замечательного мастерства. Излишних забот о здоровье тела он не допускал, но не забывал необходимых. («Не забывай себя, не волнуйся, умеренно трудись!» – было его девизом.) Фустов еще не появлялся, как наружная дверь комнаты, в которой я находился, растворилась настежь, и вошел человек лет пятидесяти, в мундирном фраке, коренастый, плотный, с молочно-белесоватыми глазами на избура-красном лице и настоящею шапкой седых курчавых волос. Человек этот остановился, посмотрел на меня, широко разинул большой свой рот и, захохотав металлическим хохотом, хлестко ударил себя ладонью по ляжке сзади, причем высоко вынес ногу вперед.

– Иван Демьяныч? – спросил из-за двери мой приятель.

– Он самый и есть, – отозвался вошедший. – А вы что ж это? туалет свой совершаете? Дело! Дело! (Голос человека, прозывавшегося Иваном Демьянычем, звучал, так же как и смех его, чем-то металлическим.) Я к братишке вашему припер было урок давать; да он, знать, простудился, чихает все. Действовать не может. Вот я и завернул к вам пока, отогреться.

Иван Демьяныч опять засмеялся тем же странным смехом, опять звучно шлепнул себя по ляжке и, достав клетчатый платок из кармана, высморкался громко, с свирепым вращением глаз, и, плюя в платок, воскликнул во все горло: «Тьфу-у-у!»

Фустов вошел в комнату и, подав нам обоим руку, спросил нас, знакомы ли мы друг с другом?

– Никак нет-с, – тотчас загремел Иван Демьяныч, – ветеран двенадцатого года чести сей не имеет!

Фустов назвал сперва меня, потом, указав на «ветерана двенадцатого года», промолвил: «Иван Демьяныч Ратч, преподаватель... разных предметов».

– Именно, именно разных предметов, – подхватил г. Ратч. – Чему, подумаешь, я только не учил, да и теперь не учу! И математике, и географии, и статистике, и итальянской бухгалтерии – ха-ха-ха-ха! – и музыке! Вы сомневаетесь, милостивый государь? – накинулся он вдруг на меня. – Спросите Александра Давыдыча, каково я на фаготе отличаюсь? Какой же я был бы в противном случае богемец, чех сиречь? Да, сударь, я чех, и родина моя – древняя Прага! Кстати, Александр Давыдыч, что вас давно не видать? Дуэтец бы разыграли... ха-ха! Право!

– Я у вас третьего дня был, Иван Демьяныч, – отвечал Фустов.

– Да это я и называю давно, ха-ха!

Когда г. Ратч смеялся, белые глаза его как-то странно и беспокойно бегали из стороны в сторону.

– Вы, я вижу, молодой человек, поведенцу моему удивляетесь, – обратился он опять ко мне. – Но это происходит оттого, что вы еще не знаете моей комплекции. Вы осведомьтесь обо мне у нашего доброго Александра Давыдыча. Что он вам скажет? Он вам скажет, что старик Ратч – простяк, русак, хоть и не по происхождению, а по духу, ха-ха! При крещении наречен Иоганн-Дитрих, а кличка моя – Иван Демьянов! Что на уме, то и на языке; сердце, как говорится, на ладошке, церемониев этих разных не знаю и знать не хожу! Ну их! Заходите когда-нибудь ко мне вечером, сами увидите. Баба у меня – жена то есть, – простая тоже; наварит нам, напекет... беда! Александр Давыдыч, правду я говорю?

Фустов только улыбнулся, а я промолчал.

– Не брезгайте старичком, заходите, – продолжал г. Ратч. – А теперь... (Он выхватил толстые серебряные часы из кармана и поднес их к выпученному правому глазу.) Мне, я полагаю,

лучше отправиться. Другой птенец меня ожидает... Этого я черт знает чему учу... мифологии, ей-богу! И далеко же живет, ракаля! у Красных ворот! Все равно: пешкурой отмахую, благо братец ваш скиксовал, ан пятиалтынный на извозчика цел, в мошне остался! Ха-ха! Прощения просим, мосыпане, до зобачения!² А вы, молодой человек, заверните... Что ж такое?.. Дуэтец непременно надо разыграть! – крикнул г. Ратч из передней, со стуком надевая калоши, и в последний раз раздался его металлический смех.

² Милостивые государи, до свидания! (*польск.*).

V

– Что за страннй человек?! – обратился я к Фустову, который успел уже приняться за токарный станок. – Неужели он иностранец? Он так бойко говорит по-русски.

– Иностранец; только он уж лет тридцать как поселился в России. Его чуть ли не в тысяча восемьсот втором году какой-то князь из-за границы вывез... в качестве секретаря... скорее, полагать надо, камердинера. А выражается он по-русски, точно, бойко.

– Так залихватски, с такими вывертами и закрутасами, – вмешался я.

– Ну да. Только очень уж ненатурально. Они все так, эти обрусевшие немцы.

– Да ведь он чех.

– Не знаю; может быть. С женой он беседует по-немецки.

– А почему он себя ветераном двенадцатого года величает? Служил он, что ли, в ополчении?

– Какое в ополчении! Во время пожара в Москве оставался и имущества всего лишился... Вот вся его служба.

– Да зачем же он оставался в Москве?

Фустов не переставал точить.

– Господь его знает! Слышал я, будто он у нас в шпионах состоял; да это, должно быть, пустое. А что за свои убытки он от казны вознаграждение получил, это верно.

– На нем мундирный фрак... Он, стало, служит?

– Служит. В кадетском корпусе преподавателем. Он надворный советник.

– Кто его жена?

– Здешняя немка, дочь колбасника... мясника...

– И ты часто к нему ходишь?

– Хожу.

– Что ж, весело у них?

– Довольно весело.

– У него есть дети?

– Есть. От немки трое и от первой жены сын и дочь.

– А сколько старшей дочери лет?

– Лет двадцать пять.

Мне показалось, что Фустов ниже пригнулся к станку, и колесо шибче заходило и загудело под мерными толчками его ноги.

– Хороша она собой?

– Как на чей вкус. Лицо замечательное, да и вся она... замечательная особа.

«Ага!» – подумал я. Фустов продолжал свою работу с особенным рвением и на следующий вопрос мой отвечал одним мычанием.

«Надо будет познакомиться!» – решил я про себя.

VI

Несколько дней спустя мы вместе с Фустовым отправились к г. Ратчу на вечер. Жил он в деревянном доме с большим двором и садом, в Кривом переулке возле Пречистенского бульвара. Он вышел к нам в переднюю и, встретив нас свойственным ему трескучим хохотом и гамом, тотчас повел в гостиную, где представил меня дородной даме в камлотовом тесном платье, Элеоноре Карповне, своей супруге. Элеонора Карповна в первой молодости отличалась, вероятно, тем, что французы, неизвестно почему, называют «красотою дьявола», то есть свежестью; но когда я с ней познакомился, она невольно напоминала взору добрый кусок говядины, только что выложенный мясником на опрятный мраморный стол. Не без намерения употребил я слово «опрятный»: не только сама хозяйка казалась образцом чистоты, но и все вокруг нее, все в доме так и лоснилось, так и блистало; все было выскребено, выглажено, вымыто мылом; самовар на круглом столе горел как жар; занавески перед окнами, салфетки так и коробились от крахмала, так же как и платьица и шемизетки тут же сидевших четырех детей г. Ратча, дюжих, откормленных коротышек, чрезвычайно похожих на мать, с топорными крепкими лицами, вихрами на висках и красными обрубками пальцев. У всех четырех были носы несколько приплюснутые, большие, словно припухшие губы и крошечные светло-серые глаза.

– Вот и моя гвардия! – воскликнул г. Ратч, кладя свою тяжелую руку поочередно на головы детей. – Коля, Оля, Сашка да Машка! Этому восемь, этой семь, этому четыре, а этой целых два! Ха-ха-ха! Как изволите видеть, мы с женой не зеваем. Эге? Элеонора Карповна!

– Уж вы всегда все такое скажете, – промолвила Элеонора Карповна и отвернулась.

– И писклятам своим все такие русские имена понадавала! – продолжал г. Ратч. – Того и смотри, в греческую веру их окрестит! Ей-богу! Славянка она у меня, черт меня совсем возьми, хоть и германской крови! Элеонора Карповна, вы славянка?

Элеонора Карповна рассердилась.

– Я надворная советница, вот кто я! И, стало быть, я русская дама, и все, что вы теперь будете говорить...

– То есть как она Россию любит, просто беда! – перебил Иван Демьяныч. – Вроде землетрясения, ха-ха!

– Ну, и что ж такое? – продолжала Элеонора Карповна. – И, конечно, я Россию люблю, потому где же бы я могла получить дворянский титул? И мои дети тоже теперь ведь благородные? *Kolia, sitze ruhig mit den Füßen!*³

Ратч махнул на нее рукой.

– Ну, ты, Сумбека-царица, успокойся! А где «благородный» Викторка? Чай, все шляется куда попало! Уж наскочит он на инспектора! Задаст он ему трепание! *Das ist ein Bummeler, der Fictor!*⁴

– *Dem Fictor kann ich nicht kommandieren*, Иван Демьяныч. *Sie wissen wohl!*⁵ – проворчала Элеонора Карповна.

Я посмотрел на Фустова, как бы желая окончательно добиться от него, что заставляло его посещать подобных людей... Но в эту минуту вошла в комнату девушка высокого роста в черном платье, та старшая дочь г. Ратча, о которой упоминал Фустов... Я понял причину частых посещений моего приятеля.

³ Коля, сиди смирно, не болтай ногами! (нем.).

⁴ Виктор такой гуляка! (нем.).

⁵ Виктору я не могу приказывать, вы это хорошо знаете! (нем.).

VII

Помнится, где-то у Шекспира говорится о «белом голубе в стае черных воронов»; подобное впечатление произвела на меня вошедшая девушка: между окружавшим ее миром и ею было слишком мало общего; казалось, она сама втайне недоумевала и дивилась, каким образом она попала сюда. Все члены семейства г. Ратча смотрели самодовольными и добродушными здоровяками; *ее* красивое, но уже отцветающее лицо носило отпечаток уныния, гордости и болезненности. *Те*, явные плебеи, держали себя непринужденно, пожалуй грубо, но просто; тоскливая тревога сказывалась во всем ее несомненно аристократическом существе. В самой ее наружности не замечалось склада, свойственного германской породе; она скорее напоминала уроженцев юга. Чрезвычайно густые черные волосы без всякого блеска, впалые, тоже черные и тусклые, но прекрасные глаза, низкий выпуклый лоб, орлиный нос, зеленоватая бледность гладкой кожи, какая-то трагическая черта около тонких губ и в слегка углубленных щеках, что-то резкое и в то же время беспомощное в движениях, изящество без грации... в Италии все это не показалось бы мне необычайным, но в Москве, у Пречистенского бульвара, просто изумило меня! Я встал со стула при входе ее в комнату: она бросила на меня быстрый неровный взгляд и, опустив свои черные ресницы, села близ окна, «как Татьяна» (пушкинский *Онегин* был тогда у каждого из нас в свежей памяти). Я взглянул на Фустова, но мой приятель стоял ко мне спиной и принимал чашку чаю из пухлых рук Элеоноры Карповны. Еще заметил я, что вошедшая девушка внесла с собою струю легкого физического холода... «Что за статуя?» – подумалось мне.

VIII

– Петр Гаврилыч! – загремел г. Ратч, обращаясь ко мне, – позвольте вас познакомиться с моей... с моим... с моим номером первым, ха-ха-ха! с Сусанной Ивановной!

Я молча поклонился и тотчас же подумал: «Вот, и имя ее тоже не под стать другим», а Сусанна слегка приподнялась, не улыбаясь и не разжимая крепко стиснутых рук.

– А что же дуэтец? – продолжал Иван Демьяныч. – Александр Давыдыч! а? благодетель! Цитра ваша у нас осталась, а фагот я уже из футляра вынул. Насладим ушеса честной компании! (Г-н Ратч любил уснащать свою русскую речь; у него то и дело вырывались выражения, подобные тем, которыми испещрены все ультранародные стихотворения князя Вяземского: «дока для всего», вместо «на все», «здесь нам не обиход», «глядит в угоду, не напоказ», и т. п. Помнится, однажды Иван Демьяныч, увлеченный своею любовью к бойким словам с энергичским окончанием, стал уверять меня, что у него в саду везде известняк, хворостняк и валежняк.) Так как? Идет? – воскликнул Иван Демьяныч, видя, что Фустов не возражает. – Колька, марш в кабинет, тащи сюда пюпитры! Ольга, волоки цитру! Да свечек к пюпитрам соблаговоли, благоверная! (Г-н Ратч вертелся по комнате, как кубарь.) Петр Гаврилыч, вы любите музыку, ась? А коли не любите, беседой займитесь, только, чур, под сурдинкой! Ха-ха-ха! И где этот шут Виктор пропадает? Послушал бы тоже! Вы его, Элеонора Карповна, совсем разбаловали!

Элеонора Карповна вся вспыхнула.

– Aber was kann ich denn⁶, Иван Демьяныч...

– Ну, хорошо, хорошо, не клянчи! Bleibe ruhig, hast verstanden?⁷ Александр Давыдыч! милости просим!

Дети немедленно исполнили приказание родителя, пюпитры воздвиглись, началась музыка. Я уже сказал, что Фустов отлично играл на цитре, но на меня этот инструмент постоянно производил впечатление самое тягостное. Мне всегда чудилось и чудится доселе, что в цитре заключена душа дряхлого жида-ростовщика и что она гнусливо ноет и плачется на безжалостного виртуоза, заставляющего ее издавать звуки. Игра г. Ратча также не могла доставить мне удовольствие; к тому ж его внезапно побагровевшее лицо со злобно вращавшимися белыми глазами приняло зловещее выражение: точно он собирался убить кого-то своим фаготом и заранее ругался и грозил, выпуская одну за другою удушенно-хриплые, грубые ноты. Я присоседился к Сусанне и, выждав первую минутную паузу, спросил ее, так же ли она любит музыку, как ее батюшка?

Она отклонилась, как будто я толкнул ее, и промолвила отрывисто:

– Кто?

– Ваш батюшка, – повторил я, – господин Ратч.

– Господин Ратч мне не отец.

– Не отец? Извините меня... Я, должно быть, не так понял... Но мне помнится, Александр Давыдыч...

Сусанна посмотрела на меня пристально и пугливо.

– Вы не поняли господина Фустова. Господин Ратч мой вотчим.

Я помолчал.

– И вы музыки не любите? – начал я снова.

Сусанна опять глянула на меня. Решительно, в ее глазах было что-то одичалое. Она, очевидно, не ожидала и не желала продолжения нашего разговора.

– Я вам этого не сказала, – медленно произнесла она.

⁶ А что я могу поделывать? (нем.).

⁷ Успокойся, поняла? (нем.).

– Тру-ту-ту-ту-ту-у-у... – со внезапной яростью пробурчал фагот, выделявая окончательную фиоритуру. Я обернулся, увидел раздутую, как у удава, под оттопыренными ушами, красную шею г. Ратча, и очень он мне показался гадоком.

– Но этого... инструмента вы, наверно, не любите, – сказал я вполголоса.

– Да... я не люблю, – отвечала она, как бы поняв мой тайный намек.

«Вот как!» – подумал я и словно чему-то обрадовался.

– Сусанна Ивановна, – проговорила вдруг Элеонора Карповна на своем немецко-русском языке, – музыку очень любит и очень сама прекрасно играет на фортепиано, только она не хочет играть на фортепиано, когда ее очень просят играть.

Сусанна ничего не ответила Элеоноре Карповне – она даже не поглядела на нее и только слегка, под опущенными веками, повела глазами в ее сторону. По одному этому движению, – по движению ее зрачков, – я мог понять, какого рода чувства Сусанна питала ко второй супруге своего вотчима... И я опять чему-то порадовался.

Между тем дуэт кончился. Фустов встал и, нерешительными шагами приблизившись к окну, возле которого мы сидели с Сусанной, спросил ее, получила ли она от Ленгольда ноты, которые тот обещался выписать из Петербурга.

– Попурри из «Роберта-Дьявола», – прибавил он, обращаясь ко мне, – из той новой оперы, о которой теперь все так кричат.

– Нет, не получила, – отвечала Сусанна и, повернувшись лицом к окну, поспешно прошептала: – Пожалуйста, Александр Давыдыч, прошу вас, не заставляйте меня играть сегодня! Я совсем не расположена.

– Что такое? «Роберт-Дьявол» Мейербера! – возопил подошедший к нам Иван Демьяныч, – пари держу, что вещь отличная! Он жид, а все жида, так же как и чехи, урожденные музыканты! Особенно жида. Не правда ли, Сусанна Ивановна? Ась? Ха-ха-ха-ха!

В последних словах г. Ратча, и на этот раз в самом его хохоте, слышалось нечто другое, чем обычное его глумление, – слышалось желание оскорбить. Так по крайней мере мне показалось и так поняла его Сусанна. Она невольно дрогнула, покраснела, закусилась нижней губой. Светлая точка, подобная блеску слезы, мелькнула у ней на реснице, и, быстро поднявшись, она вышла вон из комнаты.

– Куда же вы, Сусанна Ивановна? – закричал ей вслед г. Ратч.

– А вы оставьте ее, Иван Демьяныч, – вмешалась Элеонора Карповна. – Wenn sie einmal so etwas im Kopf hat...⁸

– Натура нервная, – промолвил Ратч, повернувшись на каблуках, и шлепнул себя по ляжке, – *plexus solaris*⁹ страдает. О! да вы не смотрите так на меня, Петр Гаврилыч! Я и анатомией занимался, ха-ха! Я и лечить могу! Спросите вот Элеонору Карповну... Все ее недуги я излечиваю! Такой у меня есть способ.

– А вы все должны шутки шутить, Иван Демьяныч, – отвечала та с неудовольствием, между тем как Фустов, посмеиваясь и приятно покачиваясь, глядел на обоих супругов.

– И почему же не шутить, *mein Mütterchen*?¹⁰ – подхватил Иван Демьяныч. – Жизнь нам дана для пользы, а больше для красоты, как сказал один известный стихотворец. Колька, утри свой нос, дикобраз!

⁸ Когда ей взбредет что-нибудь в голову... (нем.).

⁹ Солнечное сплетение (лат.).

¹⁰ Мамочка (нем.).

IX

– Я сегодня по твоей милости был в весьма неловком положении, – говорил я в тот же вечер Фустову, возвращаясь с ним домой. – Ты мне сказал, что эта... как бишь ее? Сусанна – дочь господина Ратча, а она его падчерица.

– В самом деле! Я тебе сказал, что она его дочь? Впрочем... не все ли равно?

– Этот Ратч, – продолжал я... – Ах, Александр, как он мне не нравится! Заметил ты, с какой он особенной насмешкой отозвался сегодня при ней о жидах? Разве она... еврейка?

Фустов шел впереди, размахивая руками, было холодно, снег хрустел, как соль, под ногами.

– Да, помнится, что-то такое я слышал, – промолвил он наконец... – Ее мать была, кажется, еврейского происхождения.

– Стало быть, господин Ратч женился в первый раз на вдове?

– Вероятно.

– Гм... А этот Виктор, что не пришел вчера, тоже его пасынок?

– Нет... это настоящий его сын. Впрочем, я, ты знаешь, в чужие дела не вмешиваюсь и не люблю расспрашивать. Я не любопытен.

Я прикусил язык. Фустов все спешил вперед. Подходя к дому, я нагнал его и заглянул ему в лицо.

– А что, – спросил я, – Сусанна, точно, хорошая музыкантша?

Фустов нахмурился.

– Она хорошо играет на фортепиано, – проговорил он сквозь зубы. – Только она очень дика, предваряю! – прибавил он с легкой ужимкой. Он словно раскаивался в том, что познакомил меня с нею.

Я умолк, и мы расстались.

Х

На следующее утро я опять отправился к Фустову. Сидеть у него по утрам стало для меня потребностью. Он принял меня ласково по обыкновению, но о вчерашнем посещении – ни слова! Как воды в рот набрал. Я принялся перелистывать последний № «Телескопа».

Новое лицо вошло в комнату. Оно оказалось тем самым сыном г. Ратча, Виктором, на отсутствие которого накануне пенял его отец.

Это был молодой человек, лет восемнадцати, уже испитой и нездоровый, с сладковато-наглою усмешкой на нечистом лице, с выражением усталости в воспаленных глазках. Он походил на отца, только черты его были меньше и не лишены приятности. Но в самой этой приятности было что-то нехорошее. Одет он был очень неряшливо, на мундирном сюртуке его не доставало пуговицы, один сапог лопнул, табаком так и разило от него.

– Здравствуйте, – проговорил он сиплым голосом и с теми особенными подергиваньями плеч и головы, которые я всегда замечал у избаловавшихся и самоуверенных молодых людей. – Думал в университет, а попал к вам. Грудь что-то заложило. Дайте-ка сигарку. – Он прошел через всю комнату, вяло волоча ноги и не вынимая рук из карманов панталон, и грузно бросился на диван.

– Вы простудились? – спросил Фустов и познакомил нас друг с другом. Мы были оба студентами, но находились на разных факультетах.

– Нет!.. Какое! Вчера, признаться сказать... (тут господин Ратч junior¹¹ улыбнулся во весь рот, опять-таки не без приятности, но зубы у него оказались дурные) выпито было, сильно выпито. Да. – Он закурил сигарку и откашлянулся. – Обиходова провожали.

– А он куда едет?

– На Кавказ, и возлюбленную свою туда же тащит. Вы знаете, ту, черноглазую, с веснушками. Дурак!

– Ваш батюшка вчера о вас спрашивал, – заметил Фустов.

Виктор сплюнул в сторону.

– Да, я слышал. Вы вчера забрели в наш табор. Ну и что ж, музицировали?

– По обыкновению.

– А она... Небось перед новым-то гостем (тут он ткнул головой в мою сторону) полома-лась? Играть не стала?

– Вы это о ком говорите? – спросил Фустов.

– Да, разумеется, о почтеннейшей Сусанне Ивановне!

Виктор развалился еще покойнее, округленно поднял руку над головой, посмотрел себе на ладонь и глухо фыркнул.

Я взглянул на Фустова. Он только плечом пожал, как бы желал дать мне понять, что с такого оболтуса и спрашивать нечего.

¹¹ Младший (лат.).

XI

Виктор принялся говорить, глядя в потолок, не спеша и в нос, о театре, о двух ему знакомых актерах, о какой-то Серафиме Серафимовне, которая его «надула», о новом профессоре Р., которого обозвал скотиной, – потому, представьте, что урод выдумал? Каждую лекцию с переключки начинает, а еще либералом считается! В кутузку я бы всех ваших либералов запрятал! – и, обратившись наконец всем лицом и телом к Фустову, промолвил полужалобным, полунасмешливым голосом:

– Что я вас хотел попросить, Александр Давыдыч... Нельзя ли как-нибудь старца моего вразумить... Вы вот дуэты с ним разыгрываете... Дает мне пять синеньких в месяц... Это что же такое?! На табак не хватает. Еще толкует: не делай долгов! Я бы его на мое место посадил и посмотрел бы! Я ведь никаких пенсий не получаю; не то что *иные* (Виктор произнес это последнее слово с особенным ударением). А деньжищев у него много, я знаю. Со мной Лазаря петь нечего, меня не проведешь. Шалишь! Руки-то себе нагрел тоже... ловко!

Фустов искоса глянул на Виктора.

– Пожалуй, – начал он, – я скажу вашему батюшке. А то, если хотите, я могу... пока... небольшую сумму...

– Нет, что ж! Уж лучше старика умаслить... Впрочем, – прибавил Виктор, почесав себе нос всю пятерней, – дайте, коли можете, рублей двадцать пять... Сколько бишь я вам должен?

– Вы у меня восемьдесят пять рублей заняли.

– Да... Ну это, стало, выйдет... всего сто десять рублей. Я вам отдам все разом.

Фустов вышел в другую комнату, вынес двадцатипятирублевую бумажку и молча подал ее Виктору. Тот взял ее, зевнул во все горло, не закрывая рта, промычал: «спасибо!» и, поеживаясь и потягиваясь, приподнялся с дивана.

– Фу! однако... что-то скучно, – пробормотал он, – пойти разве в *Италию*.

Он направился к двери.

Фустов посмотрел ему вслед. Казалось, он боролся сам с собой.

– О какой вы это пенсии сейчас упомянули, Виктор Иванович? – спросил он наконец.

Виктор остановился на пороге и надел фуражку.

– А вы не знаете? Сусанны Ивановны пенсия... Она ее получает. Прелюбопытный, доложу вам, анекдот! Я когда-нибудь вам расскажу. Дела, батюшка, дела! А вы старца-то, старца не забудьте, пожалуйста. Кожа у него, конечно, толстая, немецкая, да еще с русской выделкой, а все пронять можно. Только чтоб Элеонорки, мачехи моей, при этом не было! Папашка ее боится, она все своим прочит. Ну, да вы сами дипломат! Прощайте!

– Экая, однако, дрянь этот мальчишка! – воскликнул Фустов, как только захлопнулась дверь.

Лицо у него горело как в огне, и он от меня отворачивался. Я не стал его расспрашивать и вскоре удалился.

XII

Весь тот день я провел в размышлениях о Фустове, о Сусанне, об ее родственниках; мне смутно чудилось нечто похожее на семейную драму. Сколько я мог судить, мой приятель был равнодушен к Сусанне. Но она? Любила ли она его? Отчего она казалась такою несчастною? И вообще что она была за существо? Эти вопросы беспрестанно приходили мне на ум. Темное, но сильное чувство говорило мне, что за разрешением их не следовало обращаться к Фустову. Кончилось тем, что я на следующий день отправился один в дом к г. Ратчу.

Мне стало вдруг очень совестно и неловко, как только я очутился в маленькой темной передней. «Она и не покажется, пожалуй, – мелькнуло у меня в голове, – придется сидеть с гнусным ветераном и с его кухаркой-женой... Да и наконец, если даже она появится, что же из этого? Она и разговаривать не станет... Уж больно неласково обошлась она со мной намеренно. Зачем же я пришел?» Пока я все это соображал, казачок побежал доложить обо мне, и в соседней комнате, после двух или трех недоумевающих: «Кто такое? Кто, ты говоришь?» – послышалось тяжелое шарканье туфель, дверь слегка растворилась, и в щели между обеими половинками выставилось лицо Ивана Демьяныча, лицо взъерошенное и угрюмое. Оно уставилось на меня и не тотчас изменило свое выражение... Видно, г. Ратч не сразу узнал меня, но вдруг щеки его округлились, глаза сузились и из раскрывшегося рта, вместе с хохотом, вырвалось восклицание:

– А, батюшка, почтеннейший! Это вы? Милости просим!

Я последовал за ним тем неохотнее, что, мне казалось, этот приветливый, веселый г. Ратч внутренне посылает меня к черту. Однако делать было нечего. Он привел меня в гостиную, и что же? В гостиной сидела Сусанна перед столом за приходо-расходной книгой. Она глянула на меня своими сумрачными глазами и чуть-чуть прикусила ногти пальцев на левой руке... такая у ней была привычка, я заметил, – привычка, свойственная нервическим людям. Кроме ее, в комнате никого не было.

– Вот, сударь, – начал г. Ратч и ударил себя по ляжке, – в каких занятиях вы нас с Сусанной Ивановной застали: счетами занимаемся. Супруга моя в «арифметике» не сильна, а я, признаться, глаза свои берегу. Без очков не могу читать, что прикажете делать? Пускай же молодежь потрудится, ха-ха! Порядок требует. Впрочем, дело не к спеху... Спешить, смешить, блох ловить, ха-ха!

Сусанна закрыла книгу и хотела удалиться.

– Постой, однако, постой, – заговорил г. Ратч. – Что за беда, что не в туалете... (На Сусанне было очень старенькое, почти детское платье с короткими рукавчиками.) Дорогой гость не взыщет, а мне бы только позапрошлую неделю очистить... Вы позволите? – обратился он ко мне. – Мы ведь с вами не на церемониях!

– Сделайте одолжение, не стесняйтесь, – воскликнул я.

– То-то, мой батюшка почтеннейший; вам самим известно: покойный государь Алексей Михайлович Романов говаривал: «Делу время, а потехе минуту!» А мы самому делу одну минуту посвятим... ха-ха! Какие же это тринадцать рублей тридцать копеек? – прибавил он полголоса, повернувшись ко мне спиной.

– Виктор взял у Элеоноры Карповны; он сказал, что вы ему разрешили, – отвечала также полголоса Сусанна.

– Сказал... сказал... разрешил... – проворчал Иван Демьяныч. – Кажется, я тут сам налицо. Спросить бы могли. А те семнадцать рублей кому пошли?

– Мебельщику.

– Да... мебельщику. Это за что же?

– По счету.

– По счету. Покажь-ка! – Он вырвал у Сусанны книгу и, насадив на нос круглые очки в серебряной оправе, стал водить пальцем по строкам. – Мебельщику... мебельщику... Вам бы лишь бы деньги из дому вон! Вы рады!.. *Wie die Croaten!*¹² По счету! А впрочем, – прибавил он громко и снова повернулся ко мне лицом и очки с носу сдернул, – что же это я в самом деле! Этими дразгами можно и после заняться. Сусанна Ивановна, извольте-ка оттащить на место эту бухгалтерию да пожалуйста к нам обратно и восхитите слух сего любезного посетителя вашим мусикийским орудием, сиречь фортепианною игрой... А?

Сусанна отвернула голову.

– Я бы очень был счастлив, – поспешно промолвил я, – очень было бы мне приятно послушать игру Сусанны Ивановны. Но я ни за что в свете не желал бы беспокоить...

– Какое беспокойство, что вы! Ну-с, Сусанна Ивановна, *eins, zwei, drei!*¹³

Сусанна ничего не отвечала и вышла вон.

¹² Как кроаты! (нем.).

¹³ Раз, два три! (нем.).

ХІІІ

Я не ожидал, что она вернется; но она скоро появилась снова: даже платьѣ не переменяла и, присев в угол, раза два внимательно посмотрела на меня. Почувствовала ли она в моем обращении с нею то невольное, мне самому неизъяснимое уважение, которое, больше чем любопытство, больше даже чем участие, она во мне возбуждала, находилась ли она в тот день в смягченном расположении духа, только она вдруг подошла к фортепиано и, нерешительно положив руку на клавиши и склонив немного голову через плечо назад ко мне, спросила меня, что я хочу, чтоб она сыграла? Я не успел еще ответить, как она уже села, достала ноты, торопливо их развернула и начала играть. Я с детства любил музыку, но в то время я еще плохо понимал ее, мало был знаком с произведениями великих мастеров, и если бы г. Ратч не проворчал с некоторым неудовольствием: «Aha, wieder dieser Beethoven!»¹⁴, я бы не догадался, что именно выбрала Сусанна. Это была, как я потом узнал, знаменитая Ф-мольная соната, opus 57. Игра Сусанны меня поразила несказанно: я не ожидал такой силы, такого огня, такого смелого размаха. С самых первых тактов стремительно-страстного allegro, начала сонаты, я почувствовал то оцепенение, тот холод и сладкий ужас восторга, которые мгновенно охватывают душу, когда в нее неожиданным налетом вторгается красота. Я не пошевелился ни одним членом до самого конца; я все хотел и не смел вздохнуть. Мне пришлось сидеть сзади Сусанны, ее лица я не мог видеть; я видел только, как ее темные длинные волосы изредка прыгали и бились по плечам, как порывисто покачивался ее стан и как ее тонкие руки и обнаженные локти двигались быстро и несколько угловато. Последние отзвучия замерли. Я вздохнул наконец. Сусанна продолжала сидеть перед фортепиано.

– Ja, ja, – заметил г. Ратч, который, впрочем, тоже слушал внимательно, – romantische Musik!¹⁵ Это нынче в моде. Только зачем нечисто играть! Э? Пальчиком по двум нотам разом – зачем? Э? То-то; нам все поскорей хочется, поскорей. Этак горячей выходит. Э? Блины горячие! – задрезжал он, как разносчик.

Сусанна слегка обратилась к г. Ратчу; я увидел лицо ее в профиль. Тонкая, бровь высоко поднялась над опущенной векой, неровный румянец разлился по щеке, маленькое ухо рдело под закинутым локоном.

– Я всех лучших виртуозов самолично слышал, – продолжал г. Ратч, внезапно нахмурившись, – и все они перед покойным Фильдом – тьфу! Нуль! зеро!! Das war ein Kerl! Und ein so reines Spiel!¹⁶ И композиции его – самые прекрасные! А все эти новые «тлу-ту-ту» да «тра-та-та», это, я полагаю, больше для школяров писано. Da braucht man keine Delikatesse!¹⁷ Хлопай по клавишам как попало... Не беда! Что-нибудь выйдет! Janitscharen-Musik!¹⁸ Пхе! (Иван Демьяныч утер себе лоб платком.) Впрочем, я это говорю не на ваш счет, Сусанна Ивановна; вы играли хорошо и моими замечаниями не должны обижаться.

– У всякого свой вкус, – тихим голосом заговорила Сусанна, и губы ее задрожали, – а ваши замечанья, Иван Демьяныч, вы знаете, меня обидеть не могут.

– О, конечно! Только вы не полагайте, – обратился ко мне Ратч, – не извольте полагать, милостивый государь, что сие происходит от излишней нашей доброты и якобы кротости душевной; а просто мы с Сусанной Ивановной воображаем себя столь высоко вознесенными,

¹⁴ А, опять этот Бетховен! (нем.).

¹⁵ Да, да, романтическая музыка! (нем.).

¹⁶ Вот это был молодчина! И такая чистая игра! (нем.).

¹⁷ Тут не нужно особых тонкостей! (нем.).

¹⁸ Янычарская музыка! (нем.).

что у-у! Шапка назад валится, как говорится по-русски, и уже никакая критика до нас достигать не может. Самолюбие, милостивый государь, самолюбие! Оно нас доехало, да, да!

Не без изумления слушал я Ратча. Желчь, желчь ядовитая так и закипала в каждом его слове... И давно же она накопилась! Она душила его. Он попытался закончить свою тираду обычным смехом, – и судорожно, хрипло закашлял. Сусанна словечка не проронила в ответ ему, только головой встряхнула, и лицо приподняла, да, взявшись обеими руками за локти, прямо уставилась на него. В глубине ее неподвижных расширенных глаз глухим, незагасимым огнем тлела стародавняя ненависть. Жутко мне стало.

– Вы принадлежите к двум различным музыкальным поколениям, – начал я с насильственной развязностью, самую эту развязность желая дать понять, что я ничего не замечаю, – а потому не удивительно, что вы не сходитесь в своих мнениях... Но, Иван Демьяныч, вы мне позволите стать на сторону... более молодого поколения. Я профан, конечно; но признаюсь вам, ничего в музыке еще не произвело на меня такого впечатления, как та... как то, что Сусанна Ивановна нам сейчас сыграла.

Ратч вдруг накинута на меня.

– И почему вы полагаете, – закричал он, весь еще багровый от кашля, – что мы желаем завербовать вас в наш лагерь? (Он выговорил Lager по-немецки.) Нисколько нам это не нужно, бардзо дзенкуем!¹⁹ Вольному воля, спасенному спасение! А что касательно двух поколений, то это точно: нам, старикам, с вами, молодыми, жить трудно, очень трудно! Наши понятия ни в чем не согласны: ни в искусстве, ни в жизни, ни даже в морали. Не правда ли, Сусанна Ивановна?

Сусанна усмехнулась презрительной усмешкой.

– Особенно насчет, как вы говорите, морали наши понятия не сходятся и не могут сдаться, – ответила она, и что-то грозное пробежало у ней над бровями, а губы по-прежнему слабо трепетали.

– Конечно, конечно! – подхватил Ратч. – Я не философ! Я не умею стать... этак, высоко! Я человек простой, раб предрассудков, да!

Сусанна опять усмехнулась.

– Мне кажется, Иван Демьяныч, и вы иногда умели ставить себя выше того, что называют предрассудками.

¹⁹ Премного благодарны! (польск.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.